

История

УДК 94(476.5):314.151–054.73«1921»

Резэвакуация Витебским губэваком беженцев Первой мировой войны во второй половине 1921 г.

А.М. БАБКОВ

Анализируется резэвакуация Витебским губэваком беженцев Первой мировой в Прибалтийские страны и Польшу во второй половине 1921 г. Рассмотрены мероприятия по организации и деятельности Витебского губэвака. Особое внимание в статье уделяется оказанию беженцам различных видов социальной помощи: жилищной, продовольственной, медико-санитарной. Автор обращает внимание также на трудности в проведении резэвакуации беженцев за границу.

Ключевые слова: Витебск, губэвак, резэвакуация, беженцы, эшелоны, транзит, Первая мировая война, Литва, Латвия, Польша, обслуживание, помощь.

The reevacuation of the refugees of the First World War by the Vitebsk provincial evacuation committee to the Baltic countries and Poland in the second half of 1921 is analyzed. Activities on the organization and activities of the Vitebsk provincial evacuation committee are considered. Particular attention is paid in the article to providing refugees with various types of social assistance: housing, food, health care. The author also draws attention to the difficulties in carrying out the re-evacuation of refugees abroad.

Keywords: Vitebsk, provincial evacuation committee, reevacuation, refugees, trains, transit, World War I, Lithuania, Latvia, Poland, service, help.

После окончания польско-советской войны многочисленный поток беженцев и военнопленных Первой мировой и гражданской войн устремился из различных регионов советской России и Украины через Беларусь в Польшу и страны Прибалтики. В 1921 г. основная масса беженцев возвращалась из Западной Сибири, освобожденной от войск Колчака и из охваченных засухой губерний Поволжья, где беженцы оказались в наиболее бедственном положении. Вынуждало беженцев к скорейшему отъезду на родину разрушение после революции и в ходе гражданской войны прежней государственной системы оказания им помощи. Сложившееся в дореволюционные годы сочувственное отношение коренного населения к беженцам, которых удивляли приветливость и щедрость русских людей, становилось недружественным. Местное крестьянство, разоренное принудительным изъятием продуктов, переживало острейшие экономические трудности и считало беженцев бременем для себя, а их дальнейшее проживание нежелательным. Именно тогда у многих беженцев появилось желание скорее уехать домой. Но массовое возвращение беженцев на старые места жительства затянулось до окончания польско-советской войны.

На северо-востоке Беларуси беженцы перемещались через Витебскую губернию, которая входила с 1919 г. в состав РСФСР. В 1921 г. Витебская губерния являлась приграничной территорией и естественным передаточным пунктом транзитных беженцев из советской России в Прибалтийские страны, а также в Польшу. Витебск как крупный железнодорожный узел притягивал к себе огромную массу беженцев и другие контингенты населения, стремившиеся быстрее попасть домой. Прогнозируя стихийный приток беженцев и военнопленных к западной границе, Совет Труда и Оборона РСФСР поручил Центральному управлению по эвакуации населения (Центрэваку), функционирующему при НКВД, установить систему карантинных пунктов в Западной области по их приему и обслуживанию. Выполняя государственное поручение, в июле 1921 г. Витебский губисполком передал в распоряжение губернского управления по эвакуации населения (губэвака) освобожденные бараки в слободе Марковщина 1-я для оборудования карантинного пункта вместимостью около 10 тыс. человек [1, с. 178]. Губернские власти выделили эвакуу финансово-материальные средства на

ремонт и обустройство карантинного пункта. Силами губернских и эвакуационных органов был произведен ремонт шести барачных помещений вместимостью около 3 тыс. человек, помещений для амбулатории и изолятора на 38 коек, столовой с пропускной способностью 5 тыс. обедов в день [2, л. 36]. Губэвак также произвел ремонтные работы принадлежавших ему учреждений. Однако выделенных средств было недостаточно для удовлетворения потребностей всех эвакуационных учреждений Витебска. В августе 1921 г. губэваку было отпущено 43 млн рублей, которых хватило только на расчеты по задолженности и частично на выплату зарплаты сотрудникам [3, л. 173]. Для обеспечения перевозок губэвак приобрел шесть лошадей с повозками и упряжью. Хозотделом были заготовлены дрова и частично закуплен уголь для потребностей губэвака. В результате принятых губернскими и эвакуационными властями административно-хозяйственных мер Витебск превратился в крупный эвакуационный пункт на западной границе советского государства. Увеличение людских перевозок привело к расширению структуры и штатов губэвака, который возглавлял В.К. Семенов. В состав губэвака входили: эвакуационно-учетный отдел (зав. М.А. Гуфенберг), отдел продовольствия и снабжения (зав. Г.Д. Левин), санотдел (зав. Г.С. Шмоткин), финотдел (зав. Н.Ю. Яхнин), хозотдел (зав. И.А. Боровик). При губэваке работал продпункт (зав. М. Виленский) и хлебопекарня (зав. Хонютин). В бараках карантинного пункта были оборудованы изолятор (зав. В.И. Фридберг), амбулатория (зав. А.Е. Малаховский), приемный покой (зав. Б.М. Шапиро) и прачечная (зав. Завелев) [4, лл. 140–142]. Летом 1921 г. штаты губэвака и карантинного пункта достигли численности 213 человек. Однако в условиях обострившихся финансово-экономических трудностей и уменьшения притока беженцев осенью-зимой началось сокращение аппарата управления губэвака. В октябре 1921 г. численность служащих уменьшилось до 185 человек, а в ноябре еще на 30 сотрудников [5, л. 3 об].

Витебский губэвак в административном отношении непосредственно подчинялся управлению Главноуполномоченного по Западной области (Главэвакзапу) во главе с Л. И. Розенгаузом, который являлся координирующим органом Центрэвака на территории белорусских губерний. В свою очередь в ведении Витебского губэвака находились Полоцкий, Невельский и Велико-Лукский уездэваки. Следует отметить, что система организации (управления губэваком) эвакуационной работы в Витебской губернии была несовершенной. Нередко задерживались поставки уездэвакам продовольствия для беженцев. Несвоевременно поступали сведения об их эвакуационной работе. Наибольшие разногласия возникли между Витебским губэваком и Полоцким уездэваком. Ссылаясь на свое стратегическое расположение как пограничного эвакуационного пункта, управление Полоцкого уездэвака добивалось переподчинения его Главэвакзапу в финансовом и продовольственном отношениях, но не получило поддержки со стороны последнего [6, лл. 4–8].

Летом-осенью 1921 г. беженские эшелоны, прибывавшие в Витебск из России, Украины, направлялись к государственной границе по двум маршрутам. Беженцы, возвращавшиеся в Западную Беларусь и Польшу, следовали через Минск к советскому погранобменному пункту на ст. Негорелое, где происходил их обмен между РСФСР и Польшей. Беженцы Литвы и Латвии из Витебского губэвака перевозились на пограничный пропускной пункт Себеж и далее на ст. Розановская для последующей их отправки по месту жительства. В Витебск «самотечные» эшелоны часто прибывали без всякой плановости и согласованности с губэваком. Как отмечал заведующий эвакуационным отделом Главэвакзапа С.М. Шифмонович, «эшелоны скапливались в большом количестве и создавали пробки, мешавшие не только плановому движению контингентов Центрэвака, но и всякому движению людских контингентов и грузов». Причем, ввиду того, что «Польша не всегда могла принимать в достаточной мере эшелоны, приходилось в зависимости от вместимости и наличия свободных мест в бараках тех или иных эвакуационных пунктов, переотправлять простаивавшие эшелоны под выгрузку». По распоряжению Главэвакзапа «небольшие скопления беженцев в уездах губэваками стягивались к указанным пунктам и догружались проходящим эшелонами или составлялись отдельные плановые эшелоны» [7, л. 17]. Так, в августе в распоряжение Витебского губэвака прибыло шесть т.н. самотечных эшелонов с польскими беженцами из Поволжья общей численностью 5 тыс. 855

человек. Многие беженцы, направлявшиеся за границу, не имели документов. Поэтому губэваку пришлось их выгрузить и разместить в бараках карантинного пункта в Марковщине 1-й. «Самотечный» эшелон с беженцами задерживался на эвакуационном пункте обычно в течение 6–7 дней для оформления документов и получения визы на выезд за границу. Однако беженцы отказывались добровольно освободить вагоны и требовали отправления домой. В частности, прибывший в последние числа августа эшелон с польскими беженцами из Самарской губернии численностью свыше 1 тыс человек «самовольно не разгружался, требуя отправки на родину», и только усилиями губэваку беженцы освободили вагоны [8, л. 245]. И это был не единичный случай. В сентябре в Витебск из Поволжья прибыло еще пять эшелонов польских беженцев Первой мировой войны численностью 5 тыс. 708 человек, которые также отказывались от добровольной разгрузки. Продолжительное пребывание беженцев в вагонах в антисанитарных условиях могло привести к вспышке эпидемии. С трудом властям удалось разгрузить три эшелона беженцев в количестве 3 тыс. 254 человек в Витебске и разместить их в бараках Марковщины 1-й, а два других эшелона с 2 тыс. 454 беженцами были временно размещены в Полоцке [9, л. 176]. В дальнейшем управление Главэваку часто прибегало к практике «рассеивания» беженцев в западной полосе. 25 ноября 1921 г. С.М. Шифманович сообщал в особый отдел Западного фронта, что «движение самотечных беженцев самовольно снимающихся с мест голодных районов, носит стихийный характер, и составление эшелонных списков, оформление документов этих беженцев в местах их отправки является абсолютно невозможным». Чтобы избежать «задержки эшелонов в Москве и Смоленске, которые нежелательны по политическим соображениям и техническим условиям из-за отсутствия в Смоленске оборудованного изопронкпункта», управлением Главэваку, «практикуется способ рассеивания прибывающих в Смоленск самотечных эшелонов, когда часть их направляется в Витебск, Оршу, Полоцк, Минск для составления списков и оформления документов». Начальник управления Главэваку обращал внимание особого отдела Западного фронта на необходимость «усиления работы местных органов особых отделов в эвакуационных пунктах по проверке списков самотечных беженцев, которые направлялись для визирования в консульства зарубежных государств» [10, л. 139].

В связи с массовым стихийным наплывом беженцев из пострадавших от засухи губерний России распоряжением Главэваку от 28 июля 1921 г. эвакуационным органам запрещалось вносить в списки первоочередного выезда тех беженцев, которые проживали в Западной области более трех месяцев и имели работу. Отправке на родину подлежали только те беженцы, которые «проживали в бараках эвакуов, многосемейные и получающие помощь от собезов» [11, л. 104]. Об этом приказе Главэваку были оповещены т. н. оседлые беженцы, что не позволило им преждевременно уволиться с работы.

В августе в Витебском губэваку было зарегистрировано 4384 беженца. В начале сентября в бараках Витебского губэваку размещалось 4040 беженцев, Полоцкого уездэваку – 4120 и Невельского уездэваку – 320. Всего в бараках по губернии проживало 8480 беженцев [12, л. 177]. В первой половине ноября на учете губэваку состояло 3474 человека, из них 2235 беженцев Первой мировой войны и 1239 беженцев гражданской войны. В бараках и общежитиях губэваку размещалось 1893 человека, в частных квартирах – 1581, остальные находились в вагонах [13, л. 1].

В целях наиболее планомерной реэвакуации польских, литовских и латвийских беженцев, проживавших в Витебской губернии, по нарядам Главэваку губэваку ежемесячно формировались плановые эшелоны беженцев. В первой половине 1921 г. из Витебска было отправлено шесть плановых литовских и девять латвийских эшелонов. В августе была произведена запись беженцев на очередные эшелоны, в результате в сентябре был сформирован состав седьмого литовского эшелона в количестве 757 человек, десятого латвийского эшелона численностью 1004 беженцев и второго очередного эшелона польских беженцев в количестве 1048 человек [14, л. 177]. При этом губэваку рекомендовалось реэвакуировать прежде всего рабочих, крестьян и интеллигенцию, которые «лояльно и искренне относились к советской власти». В октябре из Витебска было отправлено 2655 польских беженцев, 390 латвийских и 271 литовских [15, л. 7].

Осенью 1921 г. важнейшей задачей Витебского губэвака являлась реэвакуация беженцев и военнопленных Литвы и Латвии. Их массовый приток наблюдался из Украины, где начались еврейские погромы, спасаясь от которых беженцы устремились на родину. Из Одессы, Чернигова литовские и латвийские беженцы направлялись железнодорожными эшелонами через Могилевскую и Витебскую губернии к пограничному пункту Себеж. Второй поток литовских и латвийских беженцев в Витебск следовал из охваченных голодом губерний Поволжья.

Положение с реэвакуацией беженцев осложнялось из-за неурегулированности границы между Литвой и Польшей. Так, после передачи Литвой Александровского уезда Холмской губернии Польше литовские власти отказывались принимать беженцев из этой местности [16, л. 245].

В ходе реэвакуации беженцев Витебский губэвак столкнулся с противодействием принимающих государств, которые задерживали отправку и прием эшелонов, либо полностью прекращали эвакуацию без уведомления, придирались к документам крестьян и бедняков, препятствуя стремлению советских властей направить за границу возможно большее их число. Пограничные миграционные власти Прибалтийских республик всячески сдерживали возвращение беженцев-евреев и демобилизованных красноармейцев, уроженцев Литвы и Латвии, опасаясь с их стороны большевистской пропаганды.

На недружественные действия властей прибалтийских республик решительно реагировали и требовали устранения препятствий по реэвакуации беженцев не только центральные эвакуационные органы РСФСР, но и Наркомат иностранных дел и Наркомат внешней торговли. 10 августа 1921 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направил ноту протеста правительствам Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, в которой отмечалось, что «представители Латвии вычеркивают из своих списковдвигающихся из голодных мест евреев, несмотря на то, что эти евреи имеют все законные права на репатриацию». Для оказания действенной помощи беженцам при их возвращении на родину советское правительство считало целесообразным «на латвийской границе открыть пропуск всех беженцев без подразделения по национальному признаку», а «на польской границе учредить третий приемный пункт на Полоцкой линии на ст. Фариново–Ореховно и довести прием беженцев до 4 тыс. человек на станции Столбцы» [17, с. 258–259]. С многочисленными просьбами об урегулировании обмена беженцами и другими категориями населения на погранобменных пунктах обращалось управление губэвака и Главэвакзапа к Центрэваку НКВД РСФСР. Так, 28 сентября 1921 г. Главноуполномоченный по Западной области сообщал начальнику Центрэвака, что «в последнее время стало систематическим явлением возвращение литовским представителем из ст. Розановская непринимаемых им литбеженцев по документам, визированным литовским консульством, мотивируя, что местности оккупированы поляками». Он предлагал начальнику Центрэвака «снести по сему вопросу с литовским консульством, чтобы всех утверждаемых ими беженцев не возвращали бы из границы, так как это ставит беженцев в совершенно безвыходное положение» [18, л. 128].

В свою очередь начальник Витебского губэвака З. Аксельрод сообщал в управление Главэвакзапа: «в последнее время складывается впечатление, что Литовское представительство поставило целью не пропускать беженцев в страну». В докладе назывался ряд фактов о противодействии литовских властей возвращению беженцев на родину. В частности, из списков 6-го и 7-го эшелонов ими было вычеркнуто 70–80 % фамилий беженцев, несмотря на то, что у 50–60 % из них имелись старые паспорта с отметками о беженстве и другие документы, подтверждающие их беженский статус. В других случаях пограничные власти при отказе беженцу во въезде в страну ссылались на то, что «местность, откуда беженец происходит, занята поляками», что не всегда соответствовало действительности. В данном докладе приводятся факты массового возвращения беженцев из ст. Розановская в Витебск. В частности, 16 сентября из состава Екатеринославского эшелона было возвращено 148 беженцев. Из них 64 литовец, не имевших оформленных документов и 85 человек, местность которых была оккупирована польскими войсками. Причем документы обеих групп возвращенных беженцев были завизированы литовским представителем в Харькове. Основная масса их была расселена в бараках Витебского губэвака, другая часть проживала в синагогах.

26 сентября из пункта Розановская было возвращено 77 беженцев Александровского эшелона, т. к. их местность была оккупирована поляками, а у некоторых не было документов, подтверждающих статус беженцев. Только после длительных разбирательств эти беженцы были отправлены в Польшу [19, л. 458].

В сентябре-октябре 1921 г. в условиях обострившегося голода в Поволжье усиливается стихийное движение беженцев домой. Если в августе эвакуационно-учетным отделом Витебского губэвака было зарегистрировано 15858 транзитных беженцев Первой мировой войны, 4146 военнопленных Первой мировой и гражданской войн и 3639 красноармейцев, то в сентябре численность беженцев на Витебском эвакуационном пункте увеличилась до 20971, абсолютное большинство которых составляли польские беженцы – 17931 и литовские – 2908. Одновременно из Польши через Витебск возвратилось 1005 русских пленных и из Германии 66 пленных [20, л. 245 об]. В октябре движение транзитных беженцев через Витебск несколько уменьшилось и составило 11168 человек, в т. ч. 6952 польских беженцев, 3507 литовских и 709 латвийских. В ноябре вновь увеличилась численность транзитных беженцев в Витебске до 17106 человек, из которых 7464 являлись польскими беженцами, 7321 литовскими и 2321 латвийскими. В зимний период численность беженцев резко уменьшилась и составила в декабре 3452 человека, в т. ч. 1742 польских беженца, 1680 литовских и 30 латышских [21, л. 7].

В соответствии с приказом Центрэвака с декабря 1921 г. регистрация и отправка беженцев в Литву и Латвию осуществлялась исключительно Витебским губэваком как ближайшим пограничным пунктом с Латвией. Поэтому в Витебск местные эвакуанты направляли литовских и латвийских беженцев из всей Западной области, что привело к большому их скоплению. Для визирования документов на выезд беженцев на родину в Витебск был вызван представитель Литовского консульства [22, л. 1].

Витебским губэваком было организовано продовольственное снабжение беженцев и других контингентов населения, которых ежедневно обеспечивали горячей пищей и сухими продпайками. Во время массового скопления беженцев при Витебском губэваке функционировали два питательных пункта. Из отчета о деятельности губэвака можно узнать, что в августе беженцам было выдано 83,7 тыс. горячих обедов и 20,3 тыс. сухих пайков [23, л. 246 об]. Наибольшее количество беженцев, получивших довольствие, пришлось на октябрь, когда питательным пунктом было отпущено 89 тыс. 302 порций горячей пищи и 10992 сухих пайков взрослым беженцам, а также 20611 обедов и 28401 сухих пайков их детям. В ноябре-декабре сократилась численность беженцев и соответственно уменьшилось их продовольственное обеспечение. Если в ноябре взрослым беженцам было выдано 22052 обеда и 34010 продрационов, то в декабре соответственно 12561 обед и 17121 продрацион [24, л. 5].

Несмотря на значительную продовольственную помощь, положение беженцев с питанием было довольно плачевно. С переходом к новой экономической политике и острым продовольственным кризисом губпродком и Главэвакзп сократили поставки продовольствия губэваку.

Витебский губэвак оказывал медико-санитарную помощь беженцам, обслуживал транзитных беженцев, следовавших в Польшу и страны Прибалтики. О масштабах этой работы говорят следующие данные. В августе 1921 г. медсанотделом губэвака было осмотрено 24 беженских эшелона, 21 красноармейский эшелон, 5 эшелонов военнопленных, выявлено 148 больных беженцев, 10 больных военнопленных, 27 больных красноармейцев. 725 человек получили амбулаторное лечение, сделано 2787 прививок, 6303 человека было пропущено через баню [25, л. 245 об]. В сентябре через изопродпункт прошло 29 беженских эшелонов и снято 211 больных [26, л. 177].

В октябре был произведен медико-санитарный осмотр 17 беженских поездов и выявлено 122 больных, в т. ч. 16 беженцев. Из бараков и синагог было изолировано 97 человек и оказано амбулаторное лечение 2410 больным, а также произведена помывка 3789 человек. Несмотря на предпринятые медико-санитарные меры, в октябре в Витебске среди беженцев вспыхнула эпидемия возвратного тифа. Чтобы не допустить распространения эпидемии в Марковщине 1-й были продезинфицированы бараки, при них создана амбулатория с круглосуточным дежурством медперсонала и единовременно была продезинфицирована одежда 3789 человек. В ноябре вспыхнувшую эпидемию удалось ликвидировать [27, л. 2 об]. В

дальнейшем с уменьшением притока беженцев был закрыт приемный покой губэвака, куда поступали неэпидемические больные. Поэтому возникли трудности с размещением их в больнице губздрава, которая неохотно их принимала и поспешно выписывала сразу после прохождения кризисного периода заболевания.

В целом Витебский губэвак являлся самым крупным эвакуационным органом на северо-востоке Беларуси. Он осуществил масштабную работу по реэвакуации беженцев Первой мировой войны в страны Прибалтики и Польшу. По сведениям Главэвакзапа, в 1921 г. через Витебский губэвак прошло транзитом 101047 беженцев Первой мировой войны, отправлено на родину 3 тыс. местных беженцев, обработано 12 тыс. беженцев «самотека». Через Витебский губэвак прошло также 58887 военнопленных Первой мировой и гражданской войн, а также другие контингенты населения. Только через пограничный пункт Себеж за границу было отправлено 44155 латвийских беженцев, 54882 – литовских. Витебский губэвак оказал беженцам как самой слабозащищенной категории населения разнообразные виды социальной помощи, спасшей многих из них от голода и эпидемий.

Литература

1. Бабков, А.М. Деятельность Витебского губэвака по оказанию помощи беженцам Первой мировой войны в первой половине 1921 г. / А.М. Бабков // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы : матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі, г. Гомель, 30 верасня–1 кастрычніка 2010 г. – Гомель : УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2010. – С. 174–179.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
3. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
4. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
5. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 788.
6. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 104.
7. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 898.
8. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 629.
9. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
10. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 447.
11. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 1487. – Оп. 1. – Д. 132.
12. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
13. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 669.
14. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
15. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 788.
16. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 629.
17. Документы внешней политики СССР. – М. : Госиздат политической литературы, 1960. – Т. IV. – 836 с.
18. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 447.
19. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 629.
20. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 629.
21. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 788.
22. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 788.
23. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 629.
24. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 788.
25. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 629.
26. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 441.
27. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 788.